

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Дука

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В данной статье анализируются результаты исследования политического дискурса двух оппозиционных движений — коммунистического и державно-патриотического. Материалом исследования служили тексты двух газет — «Советской России» и «Завтра» за период июнь-сентябрь 1996 г. Используемый подход связан с традицией дискурсного анализа и фрейм-анализа в рамках социологии общественных движений. В исследовании ставились две основные задачи — реконструкция дискурса и выявление мобилизационных возможностей движения.

Предпосылки и допущения.

В исследовании оппозиция рассматривается как протестное общественное движение. Внутри этого движения существуют различные организации, партии, неформальные группы, отдельные граждане и т. п., но объединяет их всех желание и стремление изменить нынешнюю внутреннюю и внешнюю политику и сместить группы, находящиеся у власти, или существующую систему господства в целом.

Поскольку сама оппозиция достаточно разнообразна, то в рамках исследования, ограниченного ресурсами и временем, весьма затруднительно было бы охватить весь оппозиционный спектр. Поэтому были сделаны некоторые ограничения. Во-первых, оппозиция исследовалась легальная, системная, использующая, в основном, конвенциональные формы протеста и имеющая широко распространяющиеся открытые средства массовой информации и пропаганды. Во-вторых, в рамках легальности и системности важно было рассмотреть наиболее радикальные (и одновременно значимые) сектора оппозиций. Таким образом, выбор остановился на коммунистической оппозиции (КПРФ), имеющей свой массовый орган — газету «Советская Россия»², и державно-патриотичес-

* Исследование частично финансировалось Фондом Форда и Московским общественным научным фондом (№ 84—политология/грант—96).

Выражаю благодарность Беспалову О.А. и Фокиной В.В. за помощь в первичной обработке текстов.

¹ В этом смысле можно утверждать, что оппозиция обладает оппозиционным сознанием (см. Morris A.D. Political Consciousness and Collective Action Fields // *Frontiers in Social Movement Theory* / Ed. by Aldon D. Morris and Carol McClurg Mueller. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1992. P. 363; Groch S.A. Oppositional Consciousness: Its Manifestation and Development. The Case of People with Disabilities // *Sociological Inquiry*. 1994. Vol. 64. №4. P. 371). Эта на первый взгляд банальность представляется значимой гипотезой с точки зрения исследования дискурса оппозиции.

² Следует оговориться, что формально это издание не является партийным органом, кроме того, «Советская Россия», скорее всего, выражает мнение одной из фракций, в то время как «Правда» ориентирована на выражение мнения другой фракции.

кой оппозиции, группирующей вокруг газеты «Завтра». Необходимо отметить, что *системность* этих секторов оппозиции безусловно не абсолютна. Она ограничена принятием в целом в *данный момент* существующих правил политической игры и следование им, что не исключает общей антисистемной направленности (что при анализе будет показано).

Временные рамки исследования определялись предположением, что наиболее полно дискурс политических сил проявляется в моменты острой борьбы. Поэтому время непосредственно до президентских выборов и после них представлялось наиболее оптимальным для выбора материала исследования. Таким образом, анализировались газеты, вышедшие в июне-сентябре 1996 года.

С выбором точки рассмотрения оппозиции как протестного общественного движения связан и выбор теоретического «инструментария», взятого из социологии общественных движений.

Задачи исследования.

Исследование имело целью решение двух основных задач: 1) определение и описание сути того, что собой представляет политический дискурс современной российской оппозиции и 2) выявление мобилизационного потенциала современной российской оппозиции.

Теоретические основания исследования.

Теория дискурса и дискурсного анализа берет свое начало в лингвистике и филологии. Со временем этот подход получил распространение в других дисциплинах³. Значение термина «дискурс» в социологии и политологии в значительной степени метафорично; он определяет не межперсональный диалог как «речевое событие», а социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге. В процессе этого диалога происходит не только описание объекта, но и конструирование его.

Важнейший аспект дискурса — специфика интерпретации, которая задается в его рамках. В значительной степени благодаря этому разрушается коммуникация между различными субъектами. Ситуация сохранения понимания и отсутствия коммуникации как раз и говорит о различии дискурсов взаимодействующих субъектов [1, с. 536]. Таким образом, происходит языковая демаркация. Для любого общественного движения *отделенность* его от внешнего мира — необходимый момент.

Отграничение от других социальных субъектов связано с формированием внутри движения коллективной идентичности. Ее конструирование в определенной мере происходит с помощью языковых средств и включает общие коллективные самоопределения, разделяемые всеми (в той или иной степени) представления о социальном окружении, цели, взгляды на возможности и ограничения коллективных действий [2, р. 81].

Например, обращение «товарищ» или «господин» в общественных движениях периода Перестройки, во-первых, отделяло индивидов от «нетоварищей»

³ Историю развития дискурсного анализа при исследовании СМИ см.: Дейк ван Т. А. Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация М.: Прогресс, 1989. С. 113—121.

и «негоспод», создавало некоторую общественную полярность, фактически тяготеющую к шкале «враг-друг». Во-вторых, тем самым, идентифицировало «свой» круг. В-третьих, определяло систему идеологических и политических ориентиров движения (грубо говоря: социализм или капитализм)⁴.

Если вслед за Вертой Тейлор и Нэнси Виттиер рассмотреть такие компоненты коллективной идентичности, как границы, сознание и символические договоренности (*boundaries, consciousness, negotiation*)⁵, то можно увидеть, что индикаторами наличия этих компонентов могут служить узловые смыслообразующие конструкты. Предложенное Дэвидом Сноу и его коллегами понятие «фреймов» (заимствованное ими у Э. Гоффмана)⁶, которые определяются как «схемы интерпретаций, позволяющие индивидам локализовать, воспринимать, идентифицировать и обозначать» события, в которых прямо или косвенно они участвуют [3, p.464], вполне подходит для описания этих конструктов.

Наряду с идентификацией, как это видно из предложенного определения, фреймы связаны с общим политическим и социальным осмыслением действительности, направленного на «опрозрачивание» окружающего мира⁷. Сопряжение фреймов с идеологией [см., напр., 4, 5] применительно к общественным движениям вполне уместно. Единственно, что следует отметить, это их идеологическую «мягкость» как во взаимоувязанности, так и в пластичности (возможности изменяться в зависимости от обстоятельств).

Важно отметить такой культурный ресурс, во многом определяющий дискурс общественного движения, как дискурс основных СМИ [см. 6; 7, p. 224-225]. На примере Перестройки это отчетливо видно. В рамках некоторой официальной ревизии прошлого и настоящего происходит переструктурирование политических смыслов. И только в этих условиях (которые можно рассматривать и как ресурс, который мобилизуют, и как открывшиеся политические возможности) возможен *процесс* реинтерпретации прошлого, настоящего и будущего.

⁴ О проблеме обращения вне общественных движений см.: Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С.8—13.

⁵ «Концепция границ соотносится с социальными, психологическими и физическими структурами, которые устанавливают различия между протестной и доминирующей группами. Сознание состоит из интерпретативных рамок, появляющихся из борьбы протестной группы в определении и реализации ее интересов. *Переговоры* включают в себя символы и ежедневные акции подчиненных групп, которые используются для сопротивления и реструктурирования существующей системы доминирования.» (Taylor, Verta and Nancy E. Whittier. *Collective Identity in Social Movement Communities: Lesbian Feminist Mobilization* // *Frontiers in Social Movement Theory* / Ed. by Aldon D. Morris and Carol McClurg Mueller. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1992. P. 111.) Переговоры здесь рассматриваются как процесс изменения символических значений общественными движениями. (Ibid. P. 118)

⁶ Иные, чем в социологии представления о «фреймах», восходящие к М. Минскому, используются в когнитивной психологии, социолингвистике (Дейк ван Т.А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация М.: Прогресс, 1989. С.16—19).

⁷ Здесь явная и намеренная аллюзия (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С.76). Хотя основания данного «опрозрачивания» в меньшей степени связаны со знанием, но в большей — с интерпретацией.

Конечно, не обходится и без «эмерджентности». Как отмечают Роберт Бенфорд и Скотт Хант, «концепция процесса интерпретативной схематизации (framing) подчеркивает появление, возникновение, предполагая, что интерпретативные схемы (фреймы) находятся в постоянном состоянии становления, поскольку они (ре)конструированы и (ре)интерпретированы» [8, р. 4]. В частности, компоненты фреймов коллективного действия, на которые указывает В. Гэмсон (несправедливость, действие и идентичность) [9] в условиях Перестройки явились, скорее, реинтерпретацией, и в этом смысле они и возникли.

В отличие от «большой» прессы, «партикулярные» СМИ (в данном случае «Завтра» и «Советская Россия») являются субкультурным ресурсом и, одновременно, создателями нового акратического (вне власти и против власти направленного) дискурса⁸. В этом отношении их эффективность высока, но они и принципиально ограничены. Прежде всего, это замкнутость в конструировании реальности, затем, сужение возможности рекрутирования дополнительных сторонников. В этом смысле субкультура оказывается конечной. Но для участников протестного движения эта субкультура претендует на всеобщность (во всяком случае, в социально-политической сфере).

Обобщая сказанное, предложим следующие определения:

Дискурс — набор идей, доводов, аргументов и символов, используемых в практике социальным субъектом.

Фрейм — центральная организующая идея, дающая определенный смысл событию, явлению, социальным агентам, выступающая как некая не всегда артикулируемая интерпретационная схема, позволяющая локализовывать, воспринимать, идентифицировать и обозначать события, в которых прямо или косвенно участвуют социально-политические субъекты. Фрейм выступает как обладающий определенной самостоятельностью, внутренне относительно завершенный элемент дискурса.

Метод. Дискурсный анализ.

Теория дискурса и политического дискурса явились основой дискурсного анализа и, соответственно, политико-дискурсного анализа. «Политико-дискурсный анализ — это инструмент для изучения путей, способов, которыми политическая реальность «формулируется» посредством дискурса и, следовательно, путей ее понимания людьми. <...> Исследовательский процесс <...> фокусируется на реконструкции основных смысловых категорий, используемых в разговоре и обсуждении того или иного вопроса» [10, р. 143]. Именно в этом смысле мы и будем понимать данный исследовательский подход.

В нашем исследовании было решено весь текстовый материал анализировать по дискурсным блокам, которые можно представить как некоторые соответствия дискурсным фреймам.

Методика исследования. Пилотаж.

Первоначальная схема дискурсного анализа потребовала уточнения. Проведенное пилотажное исследование на материале оппозиционных газет «Завтра» (державно-патриотическая оппозиция) и «Советская Россия» (коммуни-

⁸ Об акратических и энкратических дискурсах см.: Барт Р. Война языков; Барт Р. Разделение языков [1].

тическая оппозиция) показало, что выделенные первоначально исследовательские блоки не покрывают всего материала.

Пробный анализ газет строился на выделении пяти дискурсных блоков — 1) самоидентификационного («Мы»), где фиксировались самоопределения, политические союзники, друзья и их характеристики; 2) оппозиционного ему («Они»), где фиксировались упоминания и характеристики политических противников; 3) блока «Герои», где описывались исторические и культурные деятели, литературные персонажи; 4) блока политических институтов; 5) блока общественных проблем. Первые три блока направлены на выявление идентификации данного издания и групп, стоящих за ним. Четвертый и пятый блоки помогают определить положение в социальном и политическом пространстве, конструируемом данным изданием.

В ходе пилотажа газеты анализировались полностью. Хронологически были взяты газеты июня-июля 1996 года. Из текста для последующего анализа вычленились семантические ряды по вышеуказанным пяти блокам и сопутствующая информация. Выяснилось, что блоки заполняются неравномерно. Кроме того, пробный анализ текстов показал, что часть значимой для реконструирования политического дискурса информации остается за рамками выбранной исследовательской схемы. В связи с этим было решено внести коррективы в методику исследования. Были введены временные координаты: «прошлое», «настоящее» и «будущее».

Фиксируемое *настоящее* в блоке «Общественные проблемы» нередко оказывалось уже, чем реальная ситуация, обозначаемая в тексте. Проблема могла не называться, но описывалось общее состояние дел. Например: «Россия пока жива», «русский народ сопротивляется очередному нашествию» и т.п.

Описание *прошлого*, связанное с коллективной памятью, дает важные характеристики политического дискурса. Барри Шварц утверждает, что коллективная память воздействует на жизнь по крайней мере двумя путями: 1) дает модель общества как отражение потребностей, проблем, страхов, менталитета и ожиданий и 2) предлагает модель для общества как программу, определяет общественный опыт, артикулирует ценности и цели и определяет когнитивные, аффективные и моральные ориентиры для реализации программы [11, р. 910]. В историческом дискурсе он выделяет следующие элементы: легитимация, ориентация, прояснение, вдохновение, утешение. В этом отношении прошлое выступает как некоторая превращенная форма настоящего. Именно поэтому характеристики прошлого хотя и не анализировались подробно, но были включены в схему исследования.

Фрейм *будущего* служит важным ориентиром деятельности протестного движения, оппозиции и также является в рамках исследовательской схемы дополнительным компонентом в объяснении настоящего.

Таким образом, введение еще трех аналитических блоков представлялось методически обоснованным результатом пилотажа.

Результаты.

В ходе исследования были проанализированы газеты «Завтра» и «Советская Россия» за июнь-сентябрь 1996 года. Не фиксировались и не анализировались художественные тексты и неполитическая реклама. Также, в «Завтра» не рассматривались рубрики «Агентство Дня» и «Табло». Всего было просмотрено

95 статей в «Завтра» и 254 статьи в «Советской России». Было выделено в общей сложности 3582 единицы анализа (1665 в «Завтра» и 1917 в «Советской России»), Здесь под единицей анализа подразумевается любая завершенная семантическая единица, выступающая как обозначение некоего субъекта, ситуации, ее условий и временных границ, а также их характеристики, исключая примечания в таблицах и числовые показатели, то есть единица счета и единица анализа в данном случае совпадали.

Как и предполагалось, газеты оказались весьма насыщенными. Для фиксации степени «идеологичности» газеты, появления в ней материала, относящегося к включенности данного издания в политико-идеологическую борьбу как органа протестного движения, была введена характеристика «плотность текста», исчисляемая как отношение количества единиц анализа к количеству статей. Средняя плотность текста для обеих газет составила 10,58. Но между изданиями есть существенные различия. Так, «Завтра» более идеологична — у нее этот показатель колеблется от 9 до 34,27, в то время, как у «Советской России» — от 4,87 до 13,86. Это связано, скорее всего, с тем, что в отличие от еженедельника «Завтра», коммунистическая газета стремится давать материал в режиме обычного информационного издания (выходит три раза в неделю), но с определенным и нескрываемым акцентом.

Формальные различия этим не исчерпываются. В газетах неодинаков удельный вес различных блоков. Таблица 1 общих распределений дает наглядное представление о специфике каждой газеты.

Таблица 1. Общее распределение единиц анализа по аналитическим блокам.

Характеристики	количество единиц анализа											
	ситуация в стране	прошлое	будущее	общественная проблема	«МЫ»		«ОНИ»		ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ		«герои»	
					субъекты	характеристики	субъекты	характеристики	институты	характеристики	субъекты	характеристики
ВСЕГО «ЗАВТРА»	29	77	40	45	92	367	151	672	11	99	29	53
ВСЕГО «ЗАВТРА»	191											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	2,01											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,01	0,04	0,02	0,02	0,05	0,20	0,08	0,37	0,006	0,05	0,01	0,02
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,10											
ВСЕГО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»	102	54	32	213	122	308	178	597	32	163	25	91
ВСЕГО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»	401											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	1,57											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,05	0,02	0,01	0,11	0,06	0,16	0,09	0,31	0,01	0,08	0,01	0,04
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,21											
ВСЕГО	131	131	72	258	214	675	329	1269	43	262	54	144
ВСЕГО	592											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	1,69											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,03	0,03	0,02	0,07	0,05	0,18	0,09	0,35	0,01	0,07	0,01	0,04
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,16											
ВСЕГО	889											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	2,54											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	4,58											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,44											
ВСЕГО	1598											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	4,87											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,87											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,08											
ВСЕГО	305											
Тематич. «плотность текста» (един. анализа / количество страниц)	198											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,56											
Удельный вес блоков (един. анализа / Σ един. анализа)	0,05											

По некоторым позициям присутствует повторный счет, но это не влияет на общее распределение.

Самоидентификация. Оппозиция «Мы» — «Они».

Для любого движения необходимо понимание того, кто является участниками движения, что их объединяет, кто те люди, которых можно мобилизовать, кто является ресурсной базой движения, кого движение представляет.

В общем объеме высказываний блок «Мы» в двух газетах занимает различное место, и структура этого блока также различается. В «Завтра» 25% зафиксированных единиц анализа падает на «Мы», в «Советской России» удельный вес меньше — 22%. Причем, если соотношение внутри этого блока между субъектами, являющимися «нами» и/или рассматриваемыми как друзья и союзники, и их характеристиками в «Завтра» 1:4, то в «Советской России» оно 1:2,66. То есть удельный вес самоидентификации в коммунистической прессе меньше, а характеристик на одного субъекта, идентифицируемого с «мы», больше. Это, возможно, связано с некоторой очевидностью для читателя направленности издания и того оппозиционного сектора, который с ним связан.

Самоидентификация в газетном дискурсе представлена в атрибутивном виде, когда «нам» даются некоторые характеристики, или «мы» представимы как некоторый семантический ряд, представляющий собой социальных субъектов. Другой вариант самоидентификации связан с соотношением «нас» с некоторыми группами или индивидами и/или придание им положительных социально-политических и моральных характеристик.

Атрибутивная самоидентификация в державно-патриотическом варианте связана, прежде всего, с национальными и государственными характеристиками: мы — «русские (патриоты)», «державники», «националисты», «православные» (так как «иного пути, кроме православного, у нас нет»).

Очень важная составляющая задаваемого образа «мы» — эмоционально-нравственная окрашенность, направленная на усиление мобилизационного потенциала. Здесь большая роль «риторического мы», связанного с чувством вины и необходимостью раскаяться и, затем, изменить себя — «отдали без боя Советский Союз», «кинули на произвол судьбы своих русских и нерусских братьев». Очень сильный мотив потери ориентиров: «бродим, как впотьмах», «не понимаем, кто мы», «не понимаем, для чего живем», «не понимаем, какие миссия и судьба нам уготованы». «Мы» — ищущие, все, кто потерял в этом изменяющемся и разломанном мире. В этом отношении соотношение «нас» со страдающими, убогими и сирыми логически правомерно. Это «беженцы», «чеченцы и русские, погибшие в развалинах», «трое убитых безымянных солдатиков», «неопознанные безымянные трупы», «калеки», которые «скачут на своих протезах по русским дорогам» и т.д.

Но здесь же одновременно существует и возвышенное, некоторая надежда и основание для будущего. Это идея *большой нашей потенции*: с одной стороны, «дорогие старушки» (подразумевается слабость, немощность), но с другой — они же «строили города во льдах и пустынях, награжденные любовью страны». Сильное в слабом — мифологический сюжет, который отчетливо используется в дискурсных построениях оппозиции.

Кроме непосредственной атрибуции «нас», самоидентификационный газетный дискурс оппозиции находит себя в соотношении «мы», за которым в

реальности стоит некоторое подразумеваемое единство авторов текстов и их читателей, с той или иной социальной группой, которая может восприниматься как друг, союзник, «наш» и «свой».

Здесь присутствуют политико-идеологические группы — евразийцы, неоевразийцы, «патриоты из Дня», Народно-патриотический союз, национал-большевики. Особо выделен казачий субэтнос — «струя российской боевитости и предприимчивости». Велик удельный вес силовиков — бывших («чекисты и военачальники в запасе») и нынешних («воины», «российские военные», «российские солдаты», «подразделения МВД», «офицеры»). Конечно, большая часть упоминаний относится к чеченской войне. Но положительные характеристики и включение в «свой круг» не относится, как правило, к «высшему руководству российских войск».

Индивиды-друзья составляют 54,34% от общего числа «мы». Это как бывшие и ныне действующие политики, так и музыканты, философы, писатели. Следует отметить некоторую ситуативность причисления к союзникам определенных лиц. Очевидно, что быстро меняющаяся" текущая политика диктовала выбор и характеристики. Так, например, А. Лебедь и А. Коржаков фигурируют и среди «своих», и среди «чужих».

В научных публикациях уже отмечалась персонализация политических групп и сил в современном российском политическом дискурсе [12, с. 144]. Связанная с неясностью политических координат и политических символов, эта практика позволяет достаточно узнаваемо маркировать политические субъекты и, тем самым, облегчать для понимания политическую информацию и ее направленность.

В «Советской России», как уже выше говорилось, блок «Мы» представлен несколько меньше. Если же мы сравним плотность текста этого блока в двух изданиях, то разница окажется существенной. В «Завтра» этот показатель составляет 4,83. В «Советской России» он 1,69.

Атрибутивная самоидентификация в издании КПРФ частично совпадает с газетой державно-патриотической оппозиции. Мы — это «русские». С этим совпадает и определение групп, на которые ориентируются авторы газеты: «русские братья», которые «оказались за пределами Родины» и чьи «мольбы о помощи подобны стонам угнанных в плен и неволю», также «патриоты-государственники», «российские государственники» и шире — «народно-патриотическая оппозиция». Примечательно, что последняя «не разделяет себя на белых и красных, на богатых и бедных, на верующих и неверующих», что совпадает с основной идеей создаваемого блока народно-патриотических сил, для которого «главным для входящих в него партий, движений, отдельных политических деятелей остается то, что объединяет — патриотизм, сознание ответственности, а вовсе не идеологические разногласия и личные амбиции» (СР, 91).

Тем не менее, для дискурса «Советской России» очень характерна советско-коммунистическо-народная риторика. Если в «Завтра» «народ» в качестве «мы» не встречается, то для коммунистического издания это необходимый элемент. Вместе с тяготеющими к нему «простым людям», «трудовому люду», «советским людям» он получил 14,87% всех характеристик, которые давались неиндивидам в блоке «Мы». Надо учесть, что их доля среди неиндивидуализированных мы-субъектов составляет всего 9,30%.

«Народ» в газетном дискурсе выступает, прежде всего, как несчастный и страдающий, ибо он «лишен защиты», «потерял достаток и веру», «вымирает», «обманутый льстецами», «запуганный держимордами», «оглушенный кликушами», но несмотря на это, он «могучий», он «возвышает голос» и «не безмолвствует» (уже встречаемая в «Завтра» идея о потенциале, в данном случае — потенциале протеста). Вторая сторона «нашего народа» (здесь происходит переход к мифологическому этническому) — нравственность. Народ «добрый», кроме того, он «всегда стремился к справедливости и общинному равенству» и «не стремился к западной законности, утверждающей неравенство в индивидуалистическом обществе». Поэтому «коммунизм» «органичен русским». Такая архаизация коммунистической идеологии связана с поиском национальных корней и, тем самым, сильной легитимацией у своих союзников по «народно-патриотической оппозиции». Важно отметить, что здесь происходит молчаливое переосмысление коммунистической «народности» в национально-этническую.

Любопытное изменение коммунистических представлений происходит в характеристике «простых людей». Они описываются как «живущие собственными трудами и при любой власти» (СР, 63). Возникает достаточно противоречивая картина, связанная с ревизией основных параметров социалистического общества в рамках коммунистической доктрины.

Если в «Завтра» среди социально-профессиональных групп в качестве союзников доминируют, в основном, силовики, то в «Советской России» больше разнообразия и нет явно выраженных приоритетов. Это — «строители», «сеятели», «торговцы», «священники», «солдаты», «художники», «изобретатели». Все они выступают «носителями цивилизации будущего». В отличие от державно-патриотического издания, где цивилизация имеет точную привязку — евразийство, здесь ее характеристика остается неясной.

В «Советской России» индивидуализированные «мы» представлены относительно больше, чем в «Завтра» — 61,86%. Скорее всего, это связано с избирательной кампанией, где реклама кандидата и его соратников занимает, естественно, много места.

Другой стороной самоидентификации является определение не-нас, тех, кто «нам» противостоит. Таким образом можно определить и построить границу в политическом пространстве. Одновременно с этим происходит конкретизация, персонификация целей политической борьбы. Враг уже не абстрактен, а конкретен, понятен, и против него возможно мобилизовывать сторонников.

Описание политических оппонентов и их перечисление занимает основное место в оппозиционных текстах. В «Завтра» 46% всех единиц анализа, а в «Советской России» 41% связаны с блоком «Они». Всего зафиксировано 1598 единиц. Общая плотность текста в этом блоке самая высокая — 4,58, что в 1,8 раза выше, чем в блоке «Мы». Доминирование «врагов» в политическом дискурсе — важный показатель. Превышение почти в два раза объема блока «Мы» связано с повышенной конфликтностью, а также доминированием негативной самоидентификации и негативной стратегии мобилизации сторонников в рамках протестного движения. Для оппозиционных демократических общественных движений периода Перестройки это было весьма характерно. Кроме того, образ внешнего врага, особенно действующего против конкретных оппозиционных организационных форм, способствует внутренней сплоченности на уровне организаций движения.

Политических противников в газете «Завтра» можно разделить на 1) абстрактных, которые называются таким образом, что идентифицировать их можно, в основном, только будучи включенным в систему дискурса газеты, или они очевидны как «враги» в силу привязки их к общепринятым нравственным координатам; 2) системных — представителей существующей системы, режима, а также связанных с ним политических и социальных субъектов; 3) идейных оппонентов-оппозиционеров; 4) врагов момента, существующих здесь и сейчас и связанных со спецификой политической ситуации; 5) «плохих людей»; 6) внешнеполитических (геополитических) врагов (рассмотрены будут в специальном разделе).

1). К первым относятся «бесы», которые «завывают», «держиморды», которые «рывают», «палачи», «предатели». Причем, «палачи» и «предатели» могут выступать не только как некие неопределяемые персоны и группы (например, «предатели в политических и военных кругах»), но и как характеристики конкретных лиц, рассматриваемых авторами газеты как политические оппоненты. Например, предателями, по тексту газеты, являются Ельцин, Лебедь, российский МИД. Для постоянного читателя, как правило, понятен круг этих абстрактных противников. Они служат некоторым эмоциональным *фоном* существования конкретных врагов. Связано это с принципиально нравственно негативным контекстом, в котором существуют отрицательные политические персонажи.

2). Следуя текстам газеты, можно предположить, что существующая (прежде всего, политическая) система является одним из основных противников. Одним из обобщающих образов власти и системы является «Москва» (хотя «власть» представлена и отдельно). Это не просто символ сосредоточения враждебной политической силы, власти («демократической»), но и активно противостоящая («исходит ядом») истинно национальной России сила, которая «картаво глумится над славянской открытостью, силой и верой» (3, 35).¹ Скрытое противопоставление: славянство (русские) — евреи (масоны и т.п.), безусловно, узнается и прочитывается «своими» (да и не только ими). Здесь Москва уже вполне отчетливо совпадает с абстрактными врагами предыдущего кластера. Но здесь протягивается смысловая нить и к внешним противникам, описание которых будет несколько позже.

Схожая ситуация сложилась относительно российского правительства, которое «действует в интересах геополитических противников собственной страны». Но основные обвинения в его адрес связаны с неудачами чеченской войны, деморализацией армии и «сговором с чеченскими бандитами». Как видно, мотив предательства имплицитно здесь также присутствует.

Характеристики обобщенного Противника — «правлящего режима России» — также насыщены такого рода инвективами — «предательский», «антинародный», «антирусский», «благодаря ему Россия в руках масонов».

Средства массовой информации занимают существенное место среди «врагов» державно-патриотической оппозиции — 10,51% от общего числа «их» и

¹Любопытно, что уже часто встречающееся в СМИ разной направленности противопоставление Москва — (остальная) Россия встречается и в риторике Б. Н. Ельцина.

6,10% всех характеристик, данных политическим противникам. Это составляет 6,92% всех единиц анализа по рубрике «Они».

Выделяются следующие основные блоки характеристик: продажные, подконтрольные банкам, прозападные (проамериканские, антирусские). К содержательным характеристикам добавляются еще чистые инвективы — «мерзкий», «хохочущий».

Безусловно, «демократы» и «реформаторы» как некое обобщение связанного с нынешним правящим режимом сообщества и олицетворение всех негативных изменений в стране присутствуют в списке врагов авторов газеты. Но этот социальный символ противника используется значительно реже, чем несколько лет назад.

3). Несколько особняком стоят оппоненты, являющиеся радикальными противниками существующего политического режима. Это «радикально-националистический фланг оппозиции» и «православно-монархический фланг оппозиции», с которыми авторы еженедельника не сходятся по принципиальным идейным соображениям. Эти протестные секторы стоят на резко антиевразийских позициях. Естественно, что организации этих «флангов» также отвергаются как союзники. Так, «Память» характеризуется как «волчья яма», не рассматривается в качестве соратника и Русское Национальное Единство. Это стремление дистанцироваться от «ультра» весьма примечательно. Связанное с идеей полиэтничной империи, оно проявляется и в многонациональном составе авторов газеты. Всего из общего массива единиц анализа в блоке «Они» отмечено 9 единиц, относящихся к такого рода политическим оппонентам, которых надо рассматривать скорее как соперников в общем оппозиционном поле.

4). К врагам сегодняшнего дня, связанным с актуальной политической проблемой, естественно, относятся чеченские сепаратисты. Понятно, что, поскольку тема чеченской войны была весьма злободневной и ее можно было очень успешно разыгрывать в пропагандистской войне, объем высказываний пропорционально достаточно велик — 13,12% общего числа единиц анализа. Доминируют индивидуальные субъекты — 77,77% всех «чеченских врагов», но групповые противники («чеченские боевики», «командиры чеченцев» и т.п.) доминируют по числу данных им характеристик — 65,55% «чеченских характеристик».

Логически и риторически примыкают к этой группе «банкиры», которые «прокручивали криминальные чеченские деньги» и «кремлевские нефтяные воротилы», которые «делали на чеченской нефти миллиардные состояния».

Чеченский мотив входит также в описание Б. Ельцина, А. Лебеда, В. Черномырдина, правительства, СМИ и других противников, усиливая их негативные характеристики.

5). «Плохими людьми» условно названы лица, которые несущественны с точки зрения политического противостояния «власть — оппозиция». Это конкретные люди (директора, родственники политических лиц, люди искусства и т.п.), которые являются негативными героями газетных материалов. Таких конкретных материалов «из глубинки» на удивление много в газете. Такая конкретизация общественного зла (коррупция, nepотизм, воровство и т.д.) важна для пропаганды и агитации (также как и конкретизация общественного добра),

поскольку создает легкую узнаваемость и приближенность проблемы к рядовому читателю.

Дискурс «Советской России» несколько отличен от «Завтра». Во-первых, если в «Завтра» плотность текста в этом блоке составляет 8,66, то в коммунистическом издании он равен 3,05. Во-вторых, соотношение «их»-субъектов и данных этим субъектам характеристик у державников-патриотов 1:4,45, а у «Советской России» 1:3,35. В-третьих, количество единиц анализа блока «Они» на один номер газеты у «Завтра» в 1,76 раз больше. В-четвертых, кластеры политических оппонентов у коммунистов заполняются иначе.

1). Абстрактные противники представлены довольно слабо. Кроме того, они весьма просто узнаваемы. В своей обобщенности они до предела конкретизированы. Это «горстка разбойников», которая «построила свои дворцы и ночные клубы среди остановившихся заводов, умирающих флотов и армий, зарастающих полей», также это «киллер», «сутенер», «оборотни из обкомов и министерств» (однозначно интерпретируемые и читаемые как предатели, хорошо устроившиеся в нынешней жизни), некая «группа временщиков», у которой «задача — уничтожение и колонизация России», «взвинченные авантюристы», «гангстеры теневой экономики».

Здесь мы также можем видеть сильный нравственный аспект. Очевидна негативная окрашенность каждого субъекта, создающая у потенциального участника движения, во-первых, сопереживание, во-вторых, эмоциональную близость с авторами текстов и самой газетой, а также, возможно, и с самим движением, в-третьих, одновременно некоторый эмоциональный комфорт, связанный с подразумеваемой демаркацией «нравственные мы — безнравственные они»: читатель попадает в круг, нравственно одобряемый обществом.

2). «Советская Россия» — прежде всего, газета борющейся за власть партии и примыкающих к этой партии групп. Поэтому «(нынешняя) власть(и)», «Кремль», «правительство», «(нынешний) режим», «президент» и т.п. занимают в этом блоке достаточно большой удельный вес — 17,80%. Средства массовой информации представлены относительно меньше, чем в «Завтра» — 5,54% единиц анализа по блоку.

Критика строится по следующим направлениям: некомпетентность, бездарность руководителей страны; предательство национальных и государственных интересов России и русских; уничтожение государства (СССР, России); разрушение всех сфер жизнедеятельности общества; коррупция высших эшелонов власти и криминализация общества; безнравственность власти.

3). Условия политической борьбы, прагматизм, требующий максимальной консолидации потенциальных сторонников и союзников, сказался в отсутствии политических противников, занимающих по отношению к власти оппозицию. Исключение составляют «псевдопатриот» Жириновский и «лжепатриот» Баркашов. В первом случае — конкурент Зюганова за президентство, во втором — явно одиозная фигура. Это свидетельствует о стремлении мобилизовать как можно большее число избирателей. В данном случае идейные принципы явно уступили задаче политического момента.

4). Ситуативные противники представлены почти целиком местными структурами и политиками. Чечня не «породила» в коммунистической прессе врагов. Всего в массиве зафиксировано девять единиц анализа. Это три субъекта,

один из которых Дудаев и два — собирательные образы — «всякий басаев» и «всякий радуев». Каждый из субъектов получил по две характеристики. Кроме того, Чечня присутствует как повод показать ответственность власти, военный истеблишмент, «псов войны» или конкретного политика. Но военных описаний и противостояния Чечня — Россия в проанализированных текстах не встретилось.

Интересно нарицательное употребление (с маленькой буквы) в качестве характеристики, клейма фамилии «басаев». К таким «басаевым» относятся Е. Гайдар, М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Чубайс.

5). «Плохие люди» в дискурсе «Советской России» также присутствуют, но их меньше. Это мелкие чиновники, хозяйственники, артисты.

Для «Советской России» очень важно обозначить врага с точки зрения его *классовости*. Если в «Завтра» слова «капитализм» и «буржуазность» достаточно редки, то в издании КПрФ классовый враг непременно присутствует в каждом номере. Это могут быть «новые русские», «капиталисты» и «капитализм», «дельцы», «буржуазия». Также классовая позиция газеты выражается и в характеристиках: «Ельцин — это дикий капитализм, бесправие трудящихся, нищета».

Отдельно критикуются «интеллигенты», «деятели культуры», Причем по двум направлениям: поддержка реформ (например, «в ходе избирательной кампании поддерживали рьяно тех, кто были заняты мыслью довести «реформы» до конца», «желание жить по-человечески представили как «рабскую приверженность тоталитарной идее») и предательство национально-государственных интересов (например, «ежесекундно и ежеминутно вдалбливали в мозги ненависть к собственной стране»). Присутствует и мотив продажности — «всегда питающиеся с барского стола».

Примечательно, что в коммунистическом издании присутствует этнический оппонент. Это соответствует национальным самоопределениям в блоке «Мы». Но здесь присутствует нечто, что отличает эту газету от державно-патриотического издания. В качестве негативных субъектов в «Советской России» присутствуют «евреи», причем, не только в качестве неких персон и эвфемизмов (например, «несколько пожилых неправильно говорящих по-русски мужчин»). Следует сказать, что обсуждение еврейской темы носит скорее международный характер и касается, в основном, проблем Ближнего Востока. Прямых инвектив в их адрес не встречается. Более того, встречается и некоторое сочувствие, так как «губители России» «сменили свое отношение к русским и евреям из СССР с хорошего на хамское».

Выстраивание «нашего» мира.

Геополитическое пространство в «Завтра» с очевидностью центрировано вокруг России, которую «избрало божественное провидение как землю и народ, для которых Любовь и Правда стали главным смыслом бытия» (3, 31). Среди ее союзников оказалась только Беларусь (поскольку «славянская страна» и «традиционно двигалась в фарватере России»), но не ее парламент, который оказался в стане «врагов». Этот блок окружают геополитические враги — «Запад», США (вместе с ЦРУ и госдепом), Израиль, Турция.

Кроме этих сил, против России действуют: «международный капитал», «гуманисты из ООН», «прибалтийские фашисты», «фашисты Молдовы», Белорусский народный фронт и другие «антирусские силы», которые «станут откалы-

вать от России куски территории». Кроме того, «мировое сообщество» также выступит против нашей страны — «подвергнет Россию в ближайшее время «массированному давлению», чтобы она ушла из Чечни».

Складывается ситуация, в которой мир, с одной стороны, поделен весьма отчетливо на «нас» и «их», с другой стороны, он *принципиально* враждебен. Россия с ее единственным союзником находятся в осаде.

Заявляя себя как «газета Государства Российского» (подзаголовок еженедельника), «Завтра» как бы претендует на роль основного артикулятора российской государственности и державности. В этом отношении и следует рассмотреть предлагаемую демаркацию международного политического пространства.

«Советская Россия» более сдержанна, и ее геополитическое пространство не настолько насыщено. Здесь существует Россия, против которой действует «Запад» и «западные идеологи», Америка и НАТО. Причем, нынешняя расстановка сил связана с поражением (разгромом) СССР в холодной войне. Как следствие этого — «мягкая оккупация России Западом». Целью Запада является расчленение России и «разрушение русского образа духовности, образа мысли». В этом ему помогают «Гайдары» и «Чубайсы» — «их волосатыми руками американцы вежливо подталкивают Россию к пропасти» (СР, 77).

Как видно, мотив особой ментальности (духовности) России, отличной от остального мира, не чужд и коммунистической прессе.

Фреймы ситуации.

Для общественного движения, его самосознания, ориентации его членов и мобилизации сторонников необходимо понимание того, где оказалось общество и почему. Ориентация в социально-историческом пространстве связана с анализом ситуации и определением субъектов ответственности. Такая необходимость исходит из потребности уточнить политических противников, указать на проблемы общества, которые движение стремится решить. Очень важен в этом контексте образ прошлого и образ будущего, как отрицательные характеристики настоящего. Таким образом, нынешнее положение может быть описано разными способами и с разных сторон. Другими словами, возможны несколько интерпретативных схем ситуации.

Сбор информации шел по блокам «Ситуация в стране», «Общественная проблема», «Прошрое», «Будущее». Также содержание блока «Политические институты» частично характеризовало конструирование общественными движениями идеологем, связанных с общественной ситуацией.

Общий объем единиц анализа по первым четырем блокам составил 592. Это 16% от общего числа. Следует отметить, что наименьший объем информации получен по поводу образа будущего — всего 2%. Максимально оказались описаны общественные проблемы — 7%.

Существенно различается удельный вес «ситуативных» блоков в двух газетах: 10% в «Завтра» и 21% в «Советской России». При этом, державно-патриотическое издание делает упор на прошлом — 40% всех единиц по четырем блокам. В коммунистической газете прошлое и будущее занимают 14,28% общего объема этих блоков. Плотность текста и здесь в «Завтра» остается выше, чем в «Советской России» — 2,01 против 1,57.

Ситуация в стране описывается с точки зрения ее экономических, политических, социальных характеристик как трагичная, катастрофичная. Кроме того, ей дается определенная нравственная оценка, и сама общественная мораль оценивается и включается в дискурс. Таким образом, перед нами несколько связанных между собой фреймов, участвующих в общем конструировании ситуации протестным движением.

Фрейм кризисного момента.

В самом общем виде ситуация описывается как «кризис ключевых основ российского общества» — экономики, культуры, науки, образования, экологии, армии и т. д. Кризис и является легитимацией протестного оппозиционного движения. В этом отношении его можно определить как базовый (master frame), то есть такой, который в своих основных содержательных моментах является общим для всех оппозиционных движений.

В силу специфики коммунистического издания сам кризис в «Советской России» расписан более подробно. Являясь необходимым моментом программных предвыборных текстов, картина «серьезной болезни общества» иногда привязывается именно к капитализации России. Вместе с тем, обе газеты открыто выступают против нынешних реформ.

Важную функцию выполняет «бескризисное» прошлое. Например, в «Завтра» это описывается следующим образом: «до Ельцина мы были сыты, обуты и имели лучшие в мире самолеты, а сейчас вымираем по полтора миллиона в год». «Советская Россия»: «Россия из некогда захудалой, третьеразрядной страны стала передовой, развитой и экономически, и духовно», в которой был «высокий уровень доходов», «бесплатное образование», «социальное обеспечение» и т.п.

Фрейм заговора.

Тесно связанный с предыдущим, фрейм заговора частично объясняет причину нынешнего кризиса. Достаточно распространенный в среде радикальной оппозиции, он создает ощущение ясности врага при одновременной его трудноуловимости. Заговор — достаточно трудно проверяемая гипотеза, но, вместе с тем, она обладает большими объясняющими возможностями и определенным мобилизационным потенциалом.

Обычно говоря о заговоре, имеют в виду тайное влияние на власть, неочевидность ее захвата или стремления захватить враждебными силами. Здесь речь идет не о понятной и естественной геополитической борьбе, где противостояние государств и блоков, противоположных интересов до определенной степени может быть очевидным и легальным. Заговор нелегален.

«Завтра» предлагает два варианта тайной власти: 1) «Россией управляют не Ельцин с Чубайсом, а Клинтон и ЦРУ» и 2) «Россия в руках масонов».

«Советская Россия» использует иную риторiku, которая по содержанию близка к первому варианту «тайной власти». Это идея «мягкой оккупации», «оккупации без иностранных войск». Но при этом все же «иностранные оккупанты» есть, и они «требуют сокращения и переделки русского народа в демократизированный «демократией» этнос, не представляющий никакой опасности для Запада» (СР, 77).

Необходимо сказать, что наличие фрейма заговора достаточно показательно. Как отмечал Хуан Линц, «нелояльная оппозиция обычно изображает оппонентов как агентов внешних групп заговорщиков — коммунизма, масонства, международного капитализма, Ватикана, иностранных государств» [13, с. 54]. Нелояльность оппозиции означает возможность ее действия вне конституционного поля.

Фрейм несправедливости.

В отличие от фрейма момента, связанного с фиксацией того, что есть в различных сферах общественной жизни, фрейм несправедливости дает *оценку* и направляет участников протестного движения. Непосредственные суждения о несправедливости найти достаточно сложно. Ситуация может восприниматься как несправедливая и описываться как реальная несправедливость в соотношении авторов текстов и потенциальных читателей с индивидами и группами, являющимися героями публикаций и находящихся в состоянии ущемления и потери. Причем эти герои должны восприниматься как часть «нас». Описание коллективных страданий и лишений несет важную организационную функцию. Как отмечает В. Агеев, «на политической арене действия, ведущие к депривации (лишению, обездоливанию) своей группы, более важны для возникновения межгрупповой враждебности и включения в движения протеста, чем личная депривация» [14, с. 29]. В этом случае положение и рассматривается как несправедливое. Исследователи общественных движений особо заостряют внимание на образе/конструкте несправедливости как центральном для протестного движения [15—19].

Фрейм несправедливости — многосоставный конструкт. Уже в самоидентификации можно было видеть элементы этого фрейма. Описание «нас-несчастных», страдающих от действий властей, непосредственно связано с представлением о справедливости и несправедливости. Несправедливость, собственно, и разворачивается как несправедливость по отношению к нам, ущемление нас. В противном случае в дискурсе общественного протестного движения она лишается своей важной мобилизующей функции.

Противопоставление «в прошлом — сейчас» также усиливает *нынешнее* несправедливое положение. Здесь прошлое выполняет функцию картины узнанного и знакомого «справедливого». Но по отношению к социальной справедливости-несправедливости такие сюжеты встречаются только в «Советской России»: «при коммунистах» «внимательно относились к людям», «простой народ раньше был более защищен материально и морально», «государство помогало растить детей». Представляя организацию, которая находилась у власти предыдущие семьдесят лет, вполне естественно и то время представлять как воплощение справедливости. Весь советский период «Россия шла по новому и неизведанному пути, призванному воплотить многовековую мечту человечества о справедливом обществе, царстве равенства и братства, счастья и уверенности в завтрашнем дне» (СР, 96).

Фрейм падения общественных нравов.

Для протестных движений державного и коммунистического спектра очень важное значение имеет нравственная составляющая ситуации и включение моральной оценки в дискурс. Фрейм падения общественных нравов является базовым для консервативных общественных движений. Безусловно, характе-

ристика ситуации как несправедливой уже нравственно окрашена. Но здесь иной акцент: не субъективное злонамеренное действие, приводящее к аморальной ситуации (как в случае с социальной несправедливостью), а нравственная болезнь, охватившая все общество.

Склонная к исторической риторике «Завтра» дает общий диагноз — «русская смута», «перемальвающая традиционные ценности и святыни, сословия, элиты, оставляющая вместо всего этого гниль, на которой яркими соцветиями паразитируют эти временные фигуры [типа Лебедя — ее (смуты) порождения], каждая из которых отмечает веку наших несчастий». В нравственном обличении очень важна конкретизация морального зла. Выше уже говорилось о характеристиках политических «врагов», где их нравственные оценки были необходимы для усиления их «вражескости».

«Советская Россия» придает проблеме общественной морали религиозное звучание: «Бог и совесть становятся второстепенными или совсем упраздняются», происходит «попрание нравственных принципов». Интересно, что данная риторика достаточно далеко отходит не только от коммунистических, но и от социалистических идеологов. Можно, конечно, объяснить это стремлением собрать как можно больше союзников со всех флангов оппозиции, но возникает явственная угроза для коммунистической оппозиции — угроза разрушения собственной политической и идейной идентичности.

Необходимо отметить мотив развращения. «Советская Россия» пишет: «на телевидении происходит растление и развращение молодежи; телевизор превращается в орудие духовного убийства нации, инструмент зомбирования». Как нетрудно заметить, здесь происходит «переключка» с другими фреймами — заговора, врагов, национальной угрозы.

Фрейм национальной угрозы.

Можно утверждать, что для российских оппозиционных движений данный фрейм является базовым (master frame). Проблема рассматривается с двух сторон: как «кризисное положение русского народа» и как «угроза государственного развала», «кризис российской государственности», с которым непосредственно связан «кризис национальной политики и федерализма».

Первую проблему можно обозначить как *этническое выживание*, вторую — как *сохранение государственности*. Первая описывается в терминах демографических («женщины перестали рожать», «Россия каждый год лишается миллиона своего населения») и политических («идет массовый террор против миллионов русских»).

Проблема сохранения государственности связывается с 1) прекращением реформ, которые создали угрозу самоуничтожения России; 2) возвращением к духовным истокам — «иного пути, кроме православного, у нас нет»; 3) изменением внешнеполитической ориентации.

Существенных различий между «Завтра» и «Советской России» здесь нет.

Фрейм власти.

Выше уже говорилось, что один из самых существенных кластеров внутри политических оппонентов связан с существующей властью. Для оппозиционных движений это естественно. Власть — объект критики, цель политической борьбы. Отношение к власти, ее описание можно найти в двух аналитических

блоках: «Они» и «Политический институт». По поводу политических оппонентов уже говорилось выше.

Политические институты.

Вопреки ожиданиям, политические институты достаточно слабо представлены в газетном дискурсе оппозиции. Всего 305 единиц анализа (8% общего числа), причем в коммунистической газете они занимают относительно больше места. Но по содержанию «Завтра» и «Советская Россия» существенно не отличаются друг от друга.

В целом власть представлена как враждебная народу, антинациональная, чужая — ориентированная на интересы иных государств, предательская, коррумпированная. Здесь необходимо иметь в виду, что «существует явная корреляция между восприятием образа политика или группы политиков в целом как нечестных и готовностью обратиться к методам насилия» [13, с. 54]. Все это может способствовать дрейфу оппозиции к антисистемности и нелояльности, что говорит о неустойчивости демократического процесса в целом.

Будущее в дискурсе изданий.

Блок будущего достаточно мал. Общие тенденции, которые можно увидеть — это абсолютное доминирование описания прогнозируемого будущего над желаемым. Из всего массива (72 единицы анализа) лишь пять связаны с желаемым будущим. Для «Завтра» это возрождение православия и совместное процветание России и Беларуси, для «Советской России» — победа Зюганова на выборах и, как следствие, — «Россия обретет новое дыхание, очнется от тяжкого, одурманившего сна. Излечит свои раны. Вдохнет новые силы. Выйдет на прямую и твердую дорогу». Но это не только желаемое, но одновременно и прогнозируемое будущее, связанное с некоторым условием.

В целом описание будущего достаточно мрачное — это катастрофы, дальнейший упадок, «медленное дряхление и угасание России», диктатура и т.п. Конструкция будущего выполняет роль негативного стимула. Идет постоянное нагнетание надвигающейся угрозы, опасности.

Вместе с почти полным отсутствием проблеска в грядущем, нет никакого связанного рецепта выхода из нынешнего положения, реального варианта изменения прогнозируемой негативной тенденции развития. В этом отношении информация, полученная в блоках «Будущее», «Общественная проблема» и «Ситуация в обществе», непротиворечива. Одновременно это указывает на довольно слабый агитационный (и связанный с ним мобилизационный) потенциал оппозиции. Призыв к изменению не подкрепляется выдвижением позитивной цели, пусть даже и мифологичной и абстрактной, как это часто было у протестного антикоммунистического движения периода Перестройки.

«Герои» в дискурсе.

Выделение блока «Герои» связано с проверкой идентификационной ориентации изданий, а также их ориентаций на те или иные исторические события, что может косвенным образом говорить об образе настоящего и будущего.

Этот блок самый маленький (5% всего объема единиц анализа), что вполне естественно. Информация крайне «разрежена» — плотность текста 0,56.

Оказалось, что «Завтра» и «Советская Россия» очень отличаются друг от друга. Всего два совпадения — И. Сталин и М. Шолохов. Весьма неожиданным оказался и список (см. Табл. 2.). Исходя из удельного веса блока «Прошлое»

(в державно-патриотическом издании 77 единиц анализа и 4% общего объема единиц в этой газете, в то время, как в коммунистическом соответственно 54 и 2%), можно было предположить, что исторические герои в первой газете будут представлены в большей степени. Также необычно и отсутствие в положительном или отрицательном контексте имени Ленина в «Советской России» (во всяком случае, в тех номерах, которые анализировались). В газете КПРФ чувствуется державно-строительный выбор героев.

Интересна незаполненность рубрики религиозных героев в газете «Завтра», вся она заполнена коммунистическим изданием. В условиях президентских выборов это неслучайно. Стремление собрать всех под свои знамена и «не вспоминать» своих настоящих коммунистических «героев» — свидетельство большого политического прагматизма. Но вместе с тем, это и в какой-то мере отрицание своего собственного политического наследия.

Таблица 2. «Герои» в газетах «Завтра» и «Советская Россия»

(Курсивом выделены совпадения в двух списках)

«Завтра»	«Советская Россия»
<i>Политики и военные</i>	
Ленин В. И.	Минин и Пожарский
<i>Сталин И. В.</i>	<i>Сталин И. В.</i>
Хрущев Н. С. [«антигерой»]	Петр I
Скобелев М. Д.	Суворов А. В.
Гагарин Ю. А.	Ушаков Ф. Ф.
	Екатерина II
<i>Писатели, философы, ученые, артисты</i>	
Гумилев Л. Н.	Пушкин А. С.
Ильин И. А.	Твардовский А.
Вернадский В. И.	Горький М. А.
Платонов А. П.	Андреев Л. Н.
Мельников П. И.	Образцов С. В.
<i>Шолохов М. А.</i>	<i>Шолохов М. А.</i>
Булгаков М. А.	Маяковский В. В.
Распутин В.	Хемингуэй Э.
Максимов В.	
Вахмистров В.	
Арагон Луи	
<i>Религиозные «герои»</i>	
	Иисус Христос
	апостол Петр
	священномученики
	патриарх Ермоген
	святитель Филарет Московский
	преподобный Амвросий Оптинский
	святой праведный Иоанн Кронштадтский
	святые

В таблице не учтены «простонародные герои».

Выводы.

Политический дискурс оппозиции не представляет единства, но точки взаимного тяготения, очевидно, существуют, и происходит конструирование общих базисных фреймов — кризисного момента, национальной угрозы.

Внутри оппозиционного движения происходит конструирование интерпретативных схем (которые представляются публике как некоторое отражение реальности) на основе *диалогической* стратегии². Это связано с существованием своего рода переговорного процесса и дискуссий по выявлению «мест» компромисса. Как отмечает Роберт Бенфорд, внутри общественных движений полемика вокруг интерпретативных схем вездесуща [20, р. 677-679]. Наряду с этим, каждый сектор движения опирается на *трансцендентальную* стратегию, поскольку предлагаемые ею принципы, на основе которых осуществляется интерпретация, находятся вне реальной политической практики.

Переговоры взаимно легитимируют партнеров по оппозиции. Но взаимоназывание, обозначение партнеров говорит о цели каждой стороны в процессе этих переговоров. Например, Г. Зюганов для «Завтра» прежде всего «непродажный патриот России» и если коммунист, то одновременно «коммунистический националист».

Для каждой стороны оппозиционного движения остаются и усиливаются проблемы самосохранения и сохранения своей идентичности, поскольку может быть нарушен водораздел «мы — они». Отсюда проблема самоограничения участников таких заочных дискурсных переговоров. И здесь тактическая необходимость и тактический успех может быть в будущем серьезной проблемой³. При описании некоторых фреймов и аналитических блоков это было показано.

Наблюдаемое сближение можно охарактеризовать как принятие некоторых социальных ценностей державниками (их «социализация») и «национализация» коммунистической оппозиции.

Если в политико-онтологическом рассмотрении мы видим черты популистского дискурса⁴ с его манихейским разделением на добро (мы) и зло (они), то с точки зрения эпистемологических конструкций, связанных с объяснением мира и себя в этом мире, можно говорить о мифологичности дискурса. Мифологичность дискурса связана с архаизацией массового сознания в кризисное время.

Политическая риторика 1996 г. значительно смягчена по сравнению с 1992-93 гг. [21]. Можно говорить о том, что на уровне оппозиционной прессы не

² Идея различия двух стратегий интерпретации — диалогической и трансцендентальной — в политическом дискурсе заимствована у Лешека Кочановича: Koczanowicz L. Debating the Past // Institut für die Wissenschaften vom Menschen (Vienna) Newsletter. 1996—97. № 56.

³ См., напр., о Польше: Koczanowicz L. Debating the Past.

⁴ О специфике популистского политического дискурса см. Torre, de la C. The Ambiguous Meanings of Latin American Populisms // Social Research. 1992. Vol.59, № 2. P. 396—406. Аналогичная картина наблюдалась в отношении демократической прессы (газета «Известия») в 1992—1993 гг. (результаты исследовательского проекта «Политическая культура национал-патриотического движения в России», где проводилось сравнение изданий различной направленности, грант Центрально-Европейского университета CEU/RSS №854\93; схема анализа несколько отличалась, но результаты сопоставимы).

наблюдается готовности коммунистической и державно-патриотической оппозиции к открытой неконвенциональной конфронтации. Тем не менее, тяготение к нелояльности по отношению к существующим правилам политической игры очевидно.

Возможно также предположить, что мобилизационный потенциал рассматриваемых оппозиционных движений достаточно низок, что связано с почти полным отсутствием предлагаемых путей решения общественных проблем и позитивного образа будущего, а также доминированием в самоописании депривационных характеристик.

Литература:

1. Барт П. Война языков // Барт П. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Klandermans B. Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields // *Frontiers in Social Movement Theory* /Ed. by Aldon D. Morris and Carol McClurg Mueller. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1992.
3. Snow D., Rochford E.B., Worden S., Benford R. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51, № 4.
4. Snow D. A., Benford R. D. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization // *International Social Movement Research*. Vol. 1. Greenwich; London: JAI Press Inc., 1988.
5. Snow D. A., Benford R. D. Master Frames and Cycles of Protest // *Frontiers in Social Movement Theory* /Ed. by Aldon D. Morris and Carol McClurg Mueller. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1992.
6. Gamson W. A. Constructing Social Protest // *Social Movement and Culture* /Ed. by H. Johnston and B. Klandermans. L.: UCL Press Ltd, 1995.
7. Gamson W. A. Political Discourse and Collective Action // *International Social Movement Research*. Vol.1. Greenwich; London: JAI Press Inc., 1988.
8. Benford R. D., Hunt S. A. Social Movement Myths and Taboos: Sacred Frames within the U.S. Peace Movement, 1982-1991. Paper prepared for the First European Conference on Social Movements, Berlin, October 29—31, 1992.
9. Gamson W. A. Constructing Social Protest // *Social Movement and Culture* /Ed. by H. Johnston and B. Klandermans. L.: UCL Press Ltd, 1995.
10. Donati P. R. Political Discourse Analysis // *Studying Collective Action* /Ed. by M. Diani and R. Eyerman. L.; Newbury Park: Sage Publ., 1992.
11. Schwartz B. Memory as a Cultural System: Abraham Lincoln in World War II // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61, № 5.
12. Ушакин С. А. Речь как политическое действие // *Полис*. 1995. № 5.
13. Линц Х. Х. Крушение демократических режимов. Кризис, крушение и восстановление равновесия // *Проблемы Восточной Европы*. Вашингтон, 1993. № 39—40.
14. Агеев В. Межгрупповое взаимодействие. М.: Изд. Моск. ун-та, 1990.
15. Donati P. R. Political Discourse Analysis // *The Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37, № 4.
16. Snow D. A., Benford R. D. Master Frames and Cycles of Protest // *The Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37, № 4.

17. Gamson W. A. Constructing Social Protest // *The Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37, № 4.
18. Carroll W. K. Master Framing and Cross-Movement Networking in Contemporary Social Movement // *The Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37, № 4.
19. Groch S. A. Oppositional Consciousness: Its Manifestation and Development. The Case of People with Disabilities // *Sociological Inquiry*. 1994. Vol. 64, № 4.
20. Benford R. D. Frame Disputes within the Nuclear Disarmament Movement // *Social Forces*. 1993. Vol. 71, № 3.
21. Материалы исследовательского проекта «Политическая культура национал-патриотического движения в России».